

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ

ГОДЪ ХУІІ.

№ 6

МАРТА 15.

Святые равноапостольные просвѣтителі славянъ Кирилль и Меѳодій.

Съ славными именами св. Кирилла и Меѳодія соединяются самая дорогія для славянскихъ племенъ вообще и для русскаго народа въ частности воспоминанія. Ихъ вѣчно славные и памятные труды въ составленіи славянской грамматы, въ веденіи славянскаго языка при Богослуженіи, въ переводѣ священныхъ книгъ на родной славянскій языкъ положили основаніе духовному и гражданскому величію Славянъ, ихъ нравственной и гражданской самобытности; переводомъ свящ. книгъ и Богослужебныхъ на родной славян. языкъ они положили начало нашему вѣчному спасенію и въ этомъ отношеніи св. Кирилль и Меѳодій не только наши учителя и Апостолы, но и *отцы*; они возродили насъ и *духовно*, научивъ насъ своими трудами познать Единаго, Истиннаго Бога, — и *по плоти*: они неразрывными узами дружбы, братства, соединили въ одно цѣлое славянскія племена, разрозненные врагами народности и религіи. Ихъ имена служатъ лозунгомъ возстановленія самобытности Славян. племенъ, стремленія къ освобожденію отъ тяжкаго ига мусульманъ, нравственнаго и

умственного возрожденія Славянъ. Ихъ св. имена — для славянина синонимъ *православія* и *просвѣщенія*, вслѣдствіе чего до селъ въ школахъ у славянъ находится икона св. равноапостольныхъ ихъ просвѣтителей и покровителей славян. науки и православной церкви.

На югъ отъ Дуная и горъ Балканскихъ, въ нынѣшней Турціи есть страна *Македонія*, издревле называвшаяся *Славинією*; а въ ней главный городъ *Солунь*, или *Фессалоники*, просвѣщенный христіан. вѣрою св. Ап. Павломъ и прославленный множествомъ христіан. мучениковъ (*Димитрія* 26 окт. *Нестора* 27 окт. *Александра* 9 нояб. *Флорентія* 13 ок. *Фатмина* 27 авг. *Луппа* 26 окт. *Анисіи* 30 дек. *Анастасіи* 30 окт. и др. и святителей правосл. церкви (Апостола *Силуана* 30 іюля, *Артемія* 24 март. *Іосифа* 26 янв. *Григорія Паламы* и др.) Въ этомъ славномъ городѣ въ началѣ 9-го вѣка жилъ мужъ почтенный и по душевнымъ качествамъ и по богатству и высокому своему званію, *Левъ*, родомъ славянинъ; *) онъ занималъ одну изъ первыхъ долж-

*) Великіе люди, прославившіеся своими славными подвигами на пользу человечества, нерѣдко въ преданіяхъ разныхъ народовъ становятся близкими, родными и всякій народъ благодѣтельствованный ихъ трудами, старается присвоить себѣ и усиливается доказывать племенное съ ними родство. Такъ случалось и св. Кирилломъ и Меодіемъ. Греки, и Латиняне, и Славяне оспариваютъ другъ у друга честь имѣть своимъ сродственниками равноапостольныхъ просвѣтителей Славянъ. Прежде большая часть исследователей жизни и дѣятельности ихъ склонялась къ мнѣнію, что Кириллъ и Меодій были греки; основывались такіе ученые преимущественно на томъ, что св. братья родились въ греческомъ городѣ, отлично знали греческій языкъ, служили въ греческой службѣ, были въ сношеніяхъ съ греческимъ дворомъ (Шлецеръ, Добровскій, Карамзинъ. Ист. т. I. III. Шафарикъ, слов. древ., Кошваръ, Колайловичъ, И. И. Малышевскій и др.). Прямыхъ положительныхъ свидѣтельствъ въ первыхъ источникахъ нѣтъ какъ въ пользу греческаго, такъ и славянскаго ихъ происхожденія. Но при безпристрастномъ изслѣдованіи вопроса о національности св. братьевъ вѣроятнѣйшимъ оказывается мнѣніе въ пользу славянскаго ихъ происхожденія. Рожденіе въ Солунѣ, служба при греч. императорѣ, придворныя связи точно, также могутъ принадлежать славянину, какъ и греку (какъ напр. Доброгостъ, Всегерлъ (554), Татиниръ (542), Омовость (575), Викита цареграденій патріархъ † 780; Гаврилоуло, оекувъ императора, 911 г., императоръ. Всилій, родоначальникъ фамиліи Македонской, императоры Юстинъ, Юстиніанъ и др.). — Солунь — греческій городъ издавна былъ населенъ въ равной, если еще не въ большей степени, славянами.

постей въ порядкѣ тогдашняго воинскаго чиновачалія въ греческой имперіи, былъ вторымъ лицомъ послѣ главнаго военачальника. Онъ и супруга его Марія были люди благочестивые и прилагали особенныя заботы о воспитаніи своихъ дѣтей, въ числѣ коихъ старшимъ былъ *Меодій*, а самый младшій

Македонія въ 5 вѣкѣ была заселена славянами и называлась Славніею. Доказательство въ пользу славянскаго происхожденія св. Кирилла и Меодія: А priori: мысль о переводѣ чего либо съ своего языка на чужой допустить гораздо труднѣе, необычайнѣе, чѣмъ мысль о переводѣ съ чужаго языка на свой, родной. Такъ велось всегда и вездѣ. Греки всегда и все привлекали къ своему языку, свой языкъ считали образцемъ совершенства. Грековъ всегда гнуло домы, а св. Кириллъ и Меодій непрерывно путешествовали къ Хазарамъ, Моравамъ, Болгарамъ и др. славянскимъ племенамъ. Слушники и ученики ихъ ищутъ не славянски, а не по гречески и гонимые они ищутъ убѣжища не въ Греціи, а между славянами. А posteriori: Въ житіи, современномъ св. Меодию сказано: «бѣ же рода добра... потому же и греки любяще». Если бы они были греки, то о любви къ нимъ грековъ нечего бы и говорить. Меодій былъ назначенъ правителемъ славянъ. Учителемъ же славянъ, языку при этомъ назначеніи вовсе неммыслимо. Слѣд. къ славянамъ послышался славянскій же. Кирилла, взятый ко двору для воспитанія «четырьмя языки и философіи научился: славянски, (гречески), римски, сирски, иудовски». Спрашивается: если бы греческій языкъ былъ природный, то на чѣмъ Кирилла учиться ему и почему не помянуть славянскій языкъ? Кирилла удержанъ въ Константинополѣ въ званіи учителя: «умолиша и уязвительный столъ прийти и уязвти философіи теземцы и страннико». Здѣсь греки называются туземцами, которымъ Кирилла былъ странный, чуждый. При описаніи посольства Моравскаго князя Ростислава сказано: «вы бо естѣ селушанина, да селушане аси чисто словенски бесѣдуютъ». Еще во всякомъ переводѣ, сдѣланномъ чужестранцами, знатокъ съ чужимъ умомъ подмѣтитъ чуждое происхожденіе и отгадаетъ безъ труда, своимъ ли языкомъ ищетъ переводчикъ, или чужимъ. Конечно, и будучи природными греками, св. братья могли навывучить славянскому языку еще изъ дѣтства отъ обращенія съ славянами, обитавшими близъ Солуны, могли намѣреннѣе научиться сему языку, когда призваны были на великое дѣло проповѣди славянамъ; но достигнуть духа славянскаго языка въ такой степени, чтобы перевести на него свещ. книги, содержащія въ себѣ высочайшія истины божест. откровенія, перевести въ такое время, когда еще вовсе не были установлены формы этого языка никакими грамматическими правилами, перевести такъ, чтобы дать въ своемъ опытѣ послѣдующимъ племенамъ прекрасный образецъ для составленія такого рода правилъ и подобныхъ опытовъ; можно ли поспорить, чтобы это въ состояніи были сдѣлать не коренные славяне, какъ бы они ни были учены? Арсеній Сухановъ (въ XVII в.) на Афонѣ слышалъ, что св. Кирилла и Меодій родились отъ болгаръ. (М. Погодинъ. Прав. Обзор., 1864. Май). Въ доказательство греческаго происхожденія св. Кирилла и Меодія приводятъ между прочимъ и то, что они называются греками, или римлянами (Буларинъ въ «Россіи» 1838 г. Апрельъ въ брошюрѣ: Болгарскіе книжники Константинъ и Меодій, изд. въ Одессѣ 1841 г.). Но извѣстно, что этими именами, по тогдашнему обычаю, назывались не одни только природные римляне, или греки, но все христіане, находившіеся подъ властію Царь-града—Новаго Рима, какого бы племени они ни были; слѣд. могли называться и коренные славяне, несомнѣнно обитавшіе въ то время въ окрестностяхъ Солуны, долины св. Кирилла и Меодія. (Макарій Арх. Лит. Введ. хр. вѣры въ Россіи. стр. 203.

(седьмой сынъ) *Константинъ*, родившій въ 827 году. Этотъ то Константинъ, названный потомъ (въ монашествѣ) Кирилломъ, упредилъ старшаго брата духовною зрѣлостію и призвалъ его на великій подвигъ просвѣщенія христ. вѣроу славянъ. Въ высшей степени поучительно слѣдить, какъ Господь велъ этихъ избранныхъ своихъ къ великому служенію апостольства. Св. Меодій, по видному, назначался всеѣмъ для иной дѣятельности, нежели какая составляла всю его славу. Онъ былъ мужъ государственный и держалъ княженіе *славянское*. Тутъ то и скрывалась тайна предъизбра- нія его въ учителя вѣры. Тутъ то и начиналось воспитаніе его для будущаго служенія его во славу Христа. Какъ апо- столу Славянъ, долге своего единокровнаго сотрудника подви- завшемуся для ихъ духовнаго просвѣщенія, ему нужно было особенно хорошо, предварительно, изучить ту почву, на которой онъ долженъ сѣять слово Евангелія, и вотъ дается ему къ тому полная возможность. Чрезъ нѣсколько лѣтъ открылось, что Меодій княжилъ не для того, чтобы оставаться мірскимъ княземъ. Соскучивъ свѣтскою жизнію, онъ уда- лился въ иноческую обитель на горѣ Олимпѣ и поборился всеѣмъ строгостямъ иночества: «выполнялъ безответное по- слушаніе, пребывалъ въ бдѣніяхъ и молитвѣ, посѣщалъ каж- дую службу Божию, хранилъ постъ и духовное трезвеніе, очи- щалъ душу плачемъ и не давалъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью.» Такая подвижническая жизнь скоро обратила на него вниманіе прочихъ подвижниковъ, которые съ согласія патри- арха желали видѣть его митрополитомъ Солуны; но онъ не согласился и едва убѣдили его принять игуменство въ Поли- хроніевомъ монастырѣ (на Мраморномъ морѣ) (похв. св. Кир. и Мео.). Между тѣмъ и младшій братъ Константинъ (Кириллъ) шелъ къ той же славѣ апостола славянъ своимъ, особеннымъ путемъ. Дѣйствія благодатнаго призванія къ великому слу-

женію церкви открылась на немъ весьма рано. Мать хотѣла отдать его кормилицѣ, но онъ не принялъ ея, — и благочестивая Марія вскормила его своею грудью. Чѣмъ болѣе возрастало благодатное дитя, тѣмъ болѣе обнаруживалась въ немъ сила Божія. Будучи 7 лѣтъ, онъ видѣлъ сонъ, подобный тому, какой въ юности видѣлъ св. Григорій Богословъ. Кириллу снилось будто бы мѣстный воевода, собравъ всѣхъ дѣвицъ Солунскихъ, предложилъ ему изъ нихъ выбрать себѣ невѣсту и онъ избралъ ту, которая болѣе всѣхъ отличалась и красотою и богатствомъ убранства. Ее звали — *Sofia*. Софія значитъ мудрость и родители изъ сего поняли, что сыну ихъ нужно отъ Бога полюбить и приобрести мудрость. Удивительно ли послѣ этого, что св. Кириллъ, «егда вѣдѣста его въ учение книжное, снѣяше паче всѣхъ ученикъ въ книгахъ память и хитростію доброю вельми, яко и дивитися всѣмъ.» Но благодать Божія не умъ только его просвѣщала; она, въ то же время, очищала и сердце его. Въ сердцѣ Кирилла, какъ и у всѣхъ смертныхъ, была еще привязанность къ земному, которая отвлекала его отъ всецѣлаго наслажденія высшими радостями. У него былъ соколъ, которымъ онъ обыкновенно потѣшался. Однажды, какъ бывало тогда въ обычаѣ у людей богатыхъ, ему вздумалось отправиться съ соколомъ на охоту, въ поле; но лишь онъ выпустилъ птицу изъ рукъ, какъ вѣтеръ подхватилъ его и занесъ, неизвѣстно куда. Два дня не могъ вкушать пищи отрокъ отъ печали, причиненной ему потерей сокола. Наконецъ, онъ понялъ намѣреніе промысла Божія и пришелъ къ такой мысли, что такъ и всѣ земныя утѣхи не надежны, что, стало быть, не для чего и привязываться къ нимъ. Послѣ этого случая Кириллъ заключился въ своемъ домѣ; начерталъ на стѣнѣ изображеніе креста, во свидѣтельство того, что отселъ и онъ, какъ ап. Павелъ, ничѣмъ не будетъ хвалиться, какъ только о крестѣ Господа

своего (Гал. VI. 14); съ усердною молитвою о наставленіи свыше обратился онъ къ св. Григорію Богослову, творенія котораго въ особенности приходились ему по сердцу и подъ знаменіемъ креста на стѣнѣ написалъ слѣд. слова: «о Григоріе! тѣломъ человекъ, а душею ангель! уста твои, какъ уста Серафима, Бога прославляютъ, и всю вселенную просвѣщаютъ православнымъ ученіемъ. Прими меня, принадлежащаго къ тебѣ любовію и вѣрою, и буди миѣ просвѣтитель и учитель!» И сталъ наизусть изучать дивныя творенія св. отца церкви. Но не легко было юному уму постигать глубину ученія великаго Богослова. Нашлось въ твореніяхъ много непонятнаго для любознательнаго отрока, что причиняло ему тяжкую скорбь. Въ эту пору случился въ Солунѣ какой-то страствующій ученый. Св. Кирилль идетъ къ нему, надасть ему въ поги и умоляетъ научить его грамматикѣ, но тотъ отказывается; отрокъ усиливаетъ просьбу, предлагаетъ ему всю свою часть изъ наслѣдства родительскаго; но и это не помогло. Тогда смущенный отрокъ съ пламенною молитвою повергается предъ Богомъ, прося его, чтобы онъ призрѣлъ на желаніе его сердца и Господь услышалъ прошеніе своего избранника. На 15 году Кирилль по совѣту одного придворнаго сановника, слышавшаго о необыкновенномъ усердіи его къ наукамъ, вызванъ былъ въ Константинополь ко двору въ соученики школы царевичу Михаилу (впоследствии Императору Михаилу 3-му); примѣромъ Кирилла думали заохотить царевича къ ученію и добру. Чрезвычайно обрадовался Кирилль и горячо благодарилъ Бога. Не постыдился себя св. отрокъ, такъ чудно взмысканный Промысломъ Божиимъ. Съ жаромъ предался онъ изученію всѣхъ тогда извѣстныхъ наукъ, не исключая астрономіи и даже музыки. Ни разнообразіе открывшихся для его юнаго сердца развлеченій, ни увѣренность въ покровительство сильныхъ земли — ничто не могло ослабить

въ немъ усердія къ любимымъ занятіямъ и желанія, какъ можно, ближе стать къ Богу. Тихій нравъ въ немъ все болѣе и болѣе умягчался; склонность къ самоуглубленію, съ каждымъ днемъ, усиливалась. И осѣнилъ его Богъ своимъ благосло-
деніемъ. Много языковъ и наукъ изучалъ въ Царьградѣ Кириллъ и во всѣхъ на столько успѣлъ, что для иного довольно было бы успѣть и въ одной. За прекрасные успѣхи въ наукахъ, за отличное благонравіе и высокій свой разумъ онъ названъ былъ *философомъ*. Съ юнымъ философомъ любилъ бесѣдовать самъ воспитатель царевича, логоуетъ Θεоктистъ. Однажды онъ спросилъ Кирилла: «что такое философія»? Философъ отвѣчалъ: «познаніе вещей божескихъ и человѣческихъ, на сколько человѣкъ можетъ разумомъ приблизиться къ Богу и добродѣтелию уподобиться». Сотворшему его по образу Своему.» Философъ по разуму и учености, Кириллъ былъ философомъ и по жизни, служа для всѣхъ примѣровъ кротости, степенности и благонравія, сохраняя въ чистотѣ свои чувства и пожеланія. Однажды логоуетъ сказалъ Кириллу: «сильно полюбилъ я тебя за твою мудрость и добрую жизнь, хотѣлъ бы осчастливить тебя. Есть у меня крестница, дѣвица прекрасная, богатаго и знатнаго рода. Женись на ней и будешь ты въ великой чести.» «Твой даръ, отвѣчалъ философъ, точно великъ для того, кто имѣетъ въ немъ нужду, но для меня нѣтъ ничего выше науки.» Вельможѣ, его благодѣтелю и Императору никакъ не хотѣлось разстаться съ Кирилломъ. По взаимномъ совѣщаніи, они рѣшились доставить ему, по крайней мѣрѣ, ту честь, чтобы онъ, принявъ священство, остался патриаршимъ бібліотекаремъ при Софійскомъ соборѣ; но прошло не много времени и Кириллъ тайно ушелъ на одинъ изъ острововъ прелива и тамъ скрылся въ монастырѣ, вѣроятно въ томъ самомъ, въ которомъ братъ его Меводій былъ игуменомъ. Шестъ мѣсяцевъ отыскивали

его, нашли, но возвратить къ возложенной на него должности не могли и уже, въслѣдствіе усиленной просьбы логофета и Императора, Кириллъ принялъ на себя обязанность учить философіи соотечественниковъ и иноземцевъ и такимъ образомъ оиъ сталъ готовиться къ своему подвигу — просвѣщенію народовъ. Кириллу тогда было 24 года. Скоро открылись опыты учительской мудрости и силы Кирилла. Были еще тогда въ Греческой имперіи сторонники иконоборческой ереси. Въ числѣ иконоборцевъ особенно величался плзверженный за ересь бывший патріархъ, престарѣлый Анній. Онъ соблазнялъ народъ, разглашая, будто визвергли его съ кафедры насиліемъ, а переспорить его никто не могъ и не можетъ. Императору Михаилу и Патріарху (*Meo-dio*) хотѣлось вразумить заблудшаго и вотъ они назначаютъ Кирилла имѣть съ нимъ преніе. Надменный иконоборецъ, увидѣвъ предъ собою молодаго человѣка, не хотѣлъ было и разсуждать съ нимъ; но богомудрый ревнитель истины, зрѣлостію своего ума, смирилъ его гордость и такъ ясно обнаружилъ предъ нимъ заблужденіе его, что Анній съ посрамленіемъ для себя долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго съ св. философомъ пренія и замолчнуть. Вслѣдъ за тѣмъ открылся вызовъ на споръ съ другой стороны. Сильны были тогда на востокѣ въ Азіи сарацины — мусульмане. Завоевали они много христіанскихъ земель и даже св. мѣста. Гордые своею силою, они не прочь были предъ другими повеличаться и своею вѣрою и наукою и любили заводить споры съ христіанами. Въ 851 г. Милитинскій эмиръ прислалъ къ Императору Михаилу пословъ съ вызовомъ на споръ о св. Троицѣ, въ которую не вѣруютъ мусульмане. Императоръ созвалъ соборъ и, пригласивъ на него св. Кирилла, сказалъ: «слышишь ли, философъ, что говорить о нашей вѣрѣ нечестивые агаряне? Какъ слуга и ученикъ св. Троицы, иди и обличи ихъ.» «Съ радостію иду, отвѣчалъ

св. Кирилль. Можетъ ли что въ этомъ мѣрѣ быть. «Сладостнѣ для меня, какъ умереть за св. Троицу и получить вѣчную жизнь?» Ему въ спутники былъ назначенъ ученый Георгій Аспикритъ. На пути, въ мусульм. владѣніяхъ, путники увидѣли, на наружныхъ дверяхъ христіан. домовъ изображенія демоновъ, написанныя для униженія христіанъ. «Знаешь ли, философъ, какія это изображенія?» лукаво у него спросили, провожавшіе св. Кирилла, могометане. «Это демонскія изображенія, отвѣчалъ св. Кирилль, и полагаю, что тутъ живутъ христіане. Демоны съ ними не могутъ жить вмѣстѣ, но бѣжать отъ нихъ; а гдѣ нѣтъ снаружи такихъ изображеній, тамъ они живутъ.» Искусители замолчали. Мусульмане, по видимому, приняли св. Кирилла ласково и обходились съ нимъ почтительно. Учреждали для него обѣды, въ которыхъ участвовали лучшіе ихъ ученые астрономы, геометры и др. Во время стола происходили и споры этихъ мудрецовъ съ христіанскимъ философомъ, который постоянно изумлялъ ихъ своимъ умомъ и находчивостію; и суевѣрныхъ мусульм. учителей такъ посрамилъ, что тѣ съ досады рѣшились отравить св. Кирилла. Тайно подали ему выпить ядъ и св. Кирилль, по дѣйствию всемогущаго Бога, остался не вредимъ и возвратился въ Константинополь со славою поборника и исповѣдника Христовой вѣры. Почести ожидали въ столицѣ св. философа, но тотъ, во по своему смиренію, отказался и отъ должности учителя и удалился въ монастырь на Олимпѣ, гдѣ подвизался его братъ, св. Меодій и оба св. братья вмѣстѣ молились и занимались учеными трудами, но не долго пришлось св. Кириалу пребывать въ пустынномъ уединеніи. Скоро, именно въ 858-мъ году, въ Константинополь пришли послы къ Императору отъ хана, или когана хазарскаго. Жили хазары въ стѣнахъ нынѣшней южной Россіи отъ устья Волги и Каспійскаго моря до морей Азовскаго и Чернаго, а частію

и въ Крыму. Самы хазары были турецкаго племени, а по вѣрѣ язычники; но были между ними люди разныхъ племенъ и разныхъ религій, тянувшіе ихъ каждый на свою сторону, и потому то хазарскій ханъ и отправилъ въ Константинополь посольство съ просьбою прислать къ нимъ мудраго и книжнаго человѣка. «Вѣдаемъ мы, говорили они Греческаго Императору, Единого Бога неба и земли и кланяемся Ему на востокъ; но держимъ и свои старые обычаи. Между тѣмъ евреи влекутъ насъ въ свою вѣру, а мусульмане — въ свою. Пришли намъ мудраго и книжнаго человѣка, чтобы онъ обличилъ неправду тѣхъ и другихъ, и мы примемъ вашу вѣру». Выслушавъ такую рѣчь пословъ, Императоръ приказалъ отыскать св. Кирилла, и когда тотъ явился во дворецъ, Михаилъ, сообщивъ ему желаніе хазаръ, сказалъ: «иди, философъ, къ этимъ людямъ, разрѣши ихъ недоумѣніе. Повѣдай имъ тайну св. Троицы; лучше тебя никто не можетъ этого сдѣлать.» — «Если повелишь царь, отвѣчалъ св. Кириллъ, съ радостію пойду — пѣшій и босой, какъ ходили апостолы, радъ и пострадать за Христа.» «Если бы ты, самъ по себѣ, это дѣлалъ, возразилъ Императоръ, такой поступокъ твой былъ бы похваленъ; но въ настоящемъ случаѣ, дѣло касается чести царской державы. Иди съ честію, съ царскою помощію.» И св. Кириллъ немедленно вмѣстѣ съ св. Меодіемъ отправился въ страну хазарскую. Прибыли св. братія въ Крымъ, въ славный тогда городъ Корсунъ (Херсон. енар.). Здѣсь св. путники нашли нужнымъ, остановиться на нѣкоторое время, чтобы лучше приготовиться къ успѣшнѣйшему выполненію своего посольства. Въ Корсунѣ, между прочимъ, много было евреевъ. Намѣреваясь имѣть дѣло съ евреями, св. Кириллъ занялся здѣсь изученіемъ еврейскаго языка: вслушивался въ рѣчь евреевъ, читалъ ихъ книги, изучалъ ихъ грамматику, которую и перевелъ на свой языкъ. Близъ Херсона св. Ки-

ршилъ нашелъ у одного русскаго евангелие и псалтирь *русскими письмами* написанныя. По мнѣнію ученыхъ (Платонова, Арх. Филарета) это былъ точный переводъ Улфилы (4-го вѣка) и здѣсь впервые онъ ознакомился съ рѣчью русскаго человека (слов. святыя, Арх. Филаретъ, томъ 47.) Обстоятельство это знаменательное и утѣшительное для русскихъ. Какъ будто этимъ давалось знать апостолу славянъ, что его проповѣдническіе труды среди славянъ должны начаться именно съ перевода на ихъ языкъ свящ. книгъ, — что для сѣверныхъ славянъ прольется нѣкогда изъ Корсуни тотъ же чистый свѣтъ ученія Христова, которымъ, въ скоромъ времени, при его содѣйствіи просвѣтятся славяне югозападные, — что какъ тѣ такъ и другіе, въ союзѣ братскаго мира и любви, единымъ сердцемъ и едиными устами, будутъ прославлять св. Троицу, пользуясь его трудами, что читая найденный имъ переводъ, онъ уже заранѣе родится со всеми ими, и, какъ общій апостолъ славянъ, благословляетъ ихъ. Не менѣе замѣчательно и то обстоятельство, что, въ бытность св. братьевъ въ Корсунѣ, были открыты и изнесены изъ моря мощи св. Климента, папы Римскаго. (См. Четыи Мин. 25 ноября).

Черезъ сто съ лишнимъ лѣтъ послѣ Христа, когда христіанъ повсюду гнали, мучили, былъ сосланъ въ Херсонъ римскій епископъ св. Климентъ, потомъ замученъ здѣсь и брошенъ въ море съ якоремъ. Рассказывали, что съ той поры каждый годъ въ день страданія св. Климента море отступало на нѣкоторое разстояніе отъ берега, христіане видѣли на днѣ его мощи святаго и поклонялись имъ. Но давно уже не было этого явленія. И вотъ по совѣту и просьбѣ св. братьевъ, возносились общія молитвы объ открытіи мощей, и онѣ открыты, привезены въ городъ, въ церковь св. апостоловъ: часть ихъ св. братья взяли себѣ. Теперь—эго послужило въ великому укрѣпленію вѣры херсонскихъ христіанъ, окружен-

ныхъ и угрожаемыхъ съ разныхъ сторонъ невѣрными; а въ будущемъ еще не разъ послужить къ великому дѣлу просвѣщенія славянскихъ народовъ. Еще до выхода ихъ изъ Херсона одинъ хазарскій воевода съ своею ордою обступилъ городъ: св. Кирилль вышелъ къ нему, кротко побесѣдовалъ съ нимъ, и тотъ удалился мирно, даже общалъ креститься. На пути въ Хазарію на братьевъ напали дикіе, какъ волки, угры или венгры; св. Кирилль и ихъ укротилъ силою молитвы и мудрой бесѣды своей. Пришли наконецъ братья въ столицу хазарскаго царя или кагана на берегу каспійскаго моря, не вдали отъ кавказскихъ горъ. Встрѣтилъ ихъ одинъ лукавый хазаринъ и сейчаеъ началъ споръ: «вы все учите изъ книгъ, сказалъ онъ, а мы прямо изъ головы». Но какъ только Кирилль задалъ ему одинъ, другой вопросъ, самохваль замолчалъ, понявъ, что безъ книгъ немного узнаешь. Каганъ радъ былъ посламъ. «Велика-ли честь твоя, чтобъ по ней посадить тебя?» — спросилъ онъ Кирилла. «Мой дѣдъ, — отвѣчалъ тотъ, былъ въ великой чести, да потерялъ ее, обнищалъ, изгнанъ изъ своей страны въ другую, и здѣсь-то я родился. Дѣдъ этотъ — праотецъ всѣхъ Адамъ». „Правду говоришь, гость!“ замѣтилъ Каганъ. Сѣли за столъ. Было тогда въ обычаѣ за столомъ, за ѣдой вести умныя бесѣды. Каганъ, поднявъ чашу, возгласилъ: «во имя Бога единого, Творца всей твари!» Кирилль поднялъ свою и сказалъ: «во имя Бога единого, и Его Слова и Духа животворящаго?» «Мы, отозвался каганъ, разсуждаемъ одинаково, хотя и держимся не одного: вы славите Троицу, а мы единого Бога, держась книгъ“. Подъ книгами онъ разумѣлъ еврейскія книги ветхаго завѣта, ибо самъ болѣе придерживался еврейской вѣры. — «Нѣтъ! отвѣчалъ философъ; книги эти говорятъ о Богѣ, Его Словѣ и Духѣ такъ, что велятъ чтить каждое лице Св. Троицы“. И тутъ же привелъ и объяснилъ эти мѣста. «А какъ это, спросилъ

стоявшій за столомъ іудей, и для чего Богъ могъ родиться и вселиться въ человѣка». Кирилль отвѣчалъ: если Онъ могъ вселиться въ купину неопалимую, явиться въ облакъ, бурѣ: то почему-же не могъ вселиться въ человѣка, который есть образъ Божій? Никто, кромѣ самаго Творца и Бога, не могъ исцѣлить и обновить истлѣвшій родъ человѣческой. А для сего надлежало явиться Богу не въ иномъ образѣ, какъ въ человѣческомъ, принять естество человѣческое, и его врачевать, обновить, освятить своимъ божествомъ. Мысль эту Кирилль подтвердилъ и словами изъ писаній ветхозавѣтныхъ. Собесѣдники разошлись, назначивъ день для новой бесѣды. Когда вновь сошлись и усѣлись, — философъ сказалъ: «я между вами одинъ, а васъ тутъ много; однако прошу каждаго говорить и спрашивать, какъ кто желаетъ и нуждается. Только бы говорить намъ искренно, какъ предъ Богомъ, видящимъ сердца всѣхъ». Выступили іудей. «Какой законъ данъ прежде—Моисеевъ, или вашъ христіанскій?» — спросили они. Кирилль: «вы для чего это спрашиваете? для того-ль, что, по вашему, слѣдуетъ держаться того закона, который данъ прежде?» іудей: именно такъ!—Кирилль: «а почему жъ вы не держитесь закона Ноева, который много старѣ Моисеева закона и не во всемъ сходенъ съ нимъ? Какъ ни изворачивались іудей, какъ ни спорили съ философомъ, а все таки онъ показалъ имъ, что когда Богъ даетъ новый законъ, то этому-то закону и должно слѣдовать. За тѣмъ философъ въ длинной бесѣдѣ показалъ, что еще во время Моисея и пророковъ Богъ обѣщалъ дать новый завѣтъ, а старый отмѣнить. Такъ и есть, заключилъ онъ: гдѣ ваши жертвы кровавыя, гдѣ скинія и храмъ, гдѣ царство и отечество? Все это прошло, какъ насталъ новый завѣтъ—христіанскій, данный по предсказанію многихъ пророковъ уже не для однихъ іудеевъ, но и для всего міра». Много еще вопросовъ давали іудей, и

на всѣ мудро отвѣчалъ философъ. Когда онъ кончилъ рѣчь, то каганъ съ нѣкоторыми изъ близкихъ воскликнулъ: «самъ Богъ послалъ тебя сюда въ наученіе наше! Но поговоримъ еще и завтра». На слѣдующій день споръ начали уже мусульмане. Еще прежде они говорили Кириллу: «всѣ мы одинаково и крѣпко держимъ свой законъ; а у васъ одни держатъ такъ, другіе иначе, одни крѣпче, другіе слабѣе». св. Кириллъ отвѣчалъ: „нашъ христіанскій законъ широкъ и глубокъ какъ море, потому не всякъ равно успѣваетъ изслѣдовать и переплыть его; чловѣкъ сильный и трудящійся успѣваетъ болѣе, слабый и лѣнивый менѣе. А вашъ законъ похожъ на мелкій и узкій протокъ, который перескочитъ всякій. Что высокаго, мудраго въ немъ? Онъ даже поблажаетъ трубымъ, скотскимъ прихотямъ, такъ что унижаетъ чловѣка, тогда какъ законъ Христовъ ведетъ насъ горѣ, возвышаетъ къ небу». Теперь мусульмане стали налегать особенно на то, что христіанскій законъ тяжелъ; требуетъ смиренія, поста, воздержанія. «Но, замѣтилъ философъ, если чловѣкъ палъ чрезъ гордость, и сластолюбіе, то взойти на прежнюю высоту онъ можетъ только путемъ смиренія, воздержанія. Горекъ этотъ путь, но безконечно сладка и блаженна вѣчная жизнь, къ которой ведетъ онъ». Одинъ мусульманинъ началъ было хвалить Магомета, какъ пророка. Кириллъ сейчасъ сталъ обличать лживость этого пророка. Но тутъ вмѣшались іудеи, и съ крикомъ принялись бранить Магомета. — Тогда одинъ разумный сарацинъ, глядя на іудеевъ сказалъ: „гость этотъ опрокинулъ мусульманскую мудрость на одну сторону, а вашу на другую: тверда только вѣра христіанская; она для всѣхъ, и безъ нея нѣтъ ни для кого вѣчной жизни». — «Такъ!» отозвались многіе. И крестилось тогда до 200 хазаръ. Каганъ позволилъ креститься всѣмъ, кто захочетъ, сталъ думать и

самъ о крещеніи. Весьма благодарилъ онъ царя греческаго за Кирилла, а ему предлагалъ богатыя дары. Но вмѣсто ихъ философъ выпросилъ у кагана свободу плѣннымъ греческимъ христіанамъ.

Съ радостію св. братья возвратились въ Константинополь (въ 854 г.). Императоръ Михаилъ, обрадованный блестящимъ успѣхомъ ихъ проповѣди, хотѣлъ достойно вознаградить ихъ за ихъ славные подвиги, но св. братья славу міра предпочли уединенную жизнь инока. Св. Меодій возвратился въ прежнюю свою обитель, а Кириллъ въ прежнемъ своемъ званіи пріютился при церкви св. апостоловъ въ Константинополь. Здѣсь онъ снова посвятилъ себя обычнымъ подвигамъ поста и молитвы, чтобы ихъ силою, находясь въ духовномъ общеніи съ учениками Христовыми, успѣшише дозрѣть до полноты совершенства апостольскаго, и изъ подъ сѣни храма, посвященнаго ихъ имени, явиться истиннымъ апостоломъ среди тѣхъ, для служенія которымъ, разными способами, Господь приготавливалъ его отъ ранняго дѣтства. Здѣсь среди духовныхъ занятій, св. Кириллъ, въ святой тиши, пользуясь разнообразными опытами предшествующей своей жизни, расширялъ и совершенствовалъ свои знанія; здѣсь же представилъ и новый опытъ своего дивнаго глубокомыслія, прочитавъ и объяснивъ начертанную, по еврейски и самарянски, надпись на одномъ изъ потировъ Софійскаго собора, заключавшую въ себѣ пророчество объ І Христѣ.

Въ жизни великихъ избранниковъ Божіихъ явише, чѣмъ въ жизни обыкновенныхъ людей, можно видѣть всеправящую десницу Промысла. Не случайно слагаются обстоятельства ихъ жизни; они связываются между собою на всемъ ея теченіи и постепенно приближаютъ ихъ къ одной главной цѣли, къ выполненію того назначенія, на которое предопредѣлилъ Всевѣдущій. Просвѣщеніе славянъ было главнымъ

подвигомъ, на который призывалъ Господь св. Кирилла и Меѳодія и въ жизни ихъ постепенно подготовлялъ къ тому чтобы св. братьямъ быть святалями слова Божія у славянъ на сѣверѣ, западѣ и югѣ. Но Всевышній Самъ воздвигаетъ странамъ и народамъ потребныхъ имъ людей во время свое избранники Его т. е. именно тогда, когда наиболѣе нужны. Время, когда св. братья выступили на проповѣдь слова Божія, у славянъ было весьма знаменательно для сихъ послѣднихъ. Для сѣверныхъ славянъ, т. е. для насъ русскихъ, наступала тогда (въ 862 г.) пора основанія государства, т. е. соединенія разсѣянныхъ племенъ славянъ русскихъ въ одинъ великій народъ подъ властію одного великаго князя. Это необыкновенно важная пора въ жизни всѣхъ народовъ: здѣсь зародышъ, корень народной жизни, опредѣляющій ея направленіе и судьбу на цѣлыя вѣка. Самую глубокую, духовную сторону въ жизни человѣка и народа составляетъ вѣра. Вѣра русскихъ славянъ тогда была грубая языческая вѣра, при которой русскимъ, начинающимъ новую государственную жизнь, нельзя оставаться и среди лучшихъ людей того времени въ Россіи уже не разъ проявлялось недовольство прежнею, языческою вѣрою; они искали новой, лучшей вѣры и вотъ на юговостокѣ Россіи среди хазаръ предлагаютъ славянамъ свою вѣру іудей и мусульмане, а эти хазары вскорѣ завладѣваютъ Кіевомъ, матерію русскихъ городовъ и была опасность, что свою вѣру они передадутъ русскимъ. Но св. братья, какъ было сказано, уже восторжествовали надъ іудейми и мусульманами у хазаръ и какъ бы на глазахъ, живущихъ среди ихъ славянъ русскихъ, готовятъ новое сильное орудіе для торжества христіан. вѣры надъ язычествомъ и іудействомъ это— *слово Божіе на славянскомъ языкѣ*. На западѣ, по сосѣдству съ жителями Германіи, исповѣдывавшими латинство, у славянъ, современныхъ св. Кириллу и Меѳодію, только что

образовалось свое государство *моравское*. Въ юномъ славяно-моравскомъ княжествѣ не было своей граматы, не было своего народнаго образованія, своихъ свѣдущихъ, ученыхъ людей: все это приходилось имъ заимствовать отъ нѣмцевъ — латинянъ; а въ эту-то пору римская церковь терала уже свою первобытную чистоту; внутренняя ея связь съ вселенскою церковію рушилась; нѣкоторые изъ коренныхъ догматовъ въ ней уже были извращены (какъ напр. объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына), ученіе, чисто человѣческое, возводилось на степень божественнаго (какъ напр. о главенствѣ папы въ христ. церкви). Слово Божіе славянамъ латинскими миссіонерами преподавалось на латин. языкѣ, на томъ-же языкѣ для нихъ совершалось и богослуженіе, но латин. языкъ былъ для нихъ непонятенъ. Добрыхъ примѣровъ въ своихъ учителяхъ славяне мало видѣли. Этыхъ проповѣдниковъ вѣры болѣе занимали государственныя домогательства и свои личныя выгоды, чѣмъ ихъ спасеніе. Изъ за этихъ выгодъ латинскіе миссіонеры нерѣдко враждовали между собою; изъ за нихъ заставляли ссориться князей съ князьями, народъ съ народомъ; ради ихъ они нерѣдко въ жизни новообращенныхъ христіанъ одобряли то, чего и честный язычникъ не могъ бы одобрить. Латинскіе миссіонеры сверхъ того, чрезъ сообщеніе славянамъ своей вѣры хотѣли закрѣпить надъ ними власть папы и западныхъ князей. Нѣмецкіе князья и бискупы обыкновенно говорили: «кто передалъ вѣру какой либо землѣ, или народу, тотъ имѣеть право владѣть тою землею, тѣмъ народомъ». Для славянъ же, дорожившихъ свободою совѣсти и гражданскою независимостію, такой порядокъ вещей сдѣлался наконецъ невыносимымъ; между ними родилось желаніе свергнуть съ себя оковы двойнаго гнета, гражданскаго и церковнаго, угрожавшаго имъ еще большимъ зломъ въ будущемъ. И чего бы такіе учителя вѣры не натворили бы съ запад-

ными славянами, если бы въ это роковое для нихъ время не явились на помощь св. Кирилль и Меѳодій. Первый, понявшій невыгоды зависимости отъ нѣмцевъ, былъ моравскій князь Ростиславъ. Онъ съ своимъ племянникомъ Святополкомъ и Коцеломъ, Паннонскимъ княземъ, рѣшилъ искать лучшихъ друзей, которые и нуждамъ ихъ, какъ духовнымъ, такъ и гражданскимъ, вѣрнѣе могли бы помочь и, въ тоже время, не были бы имъ опасны. Такихъ друзей они надѣялись найти въ отдаленной отъ нихъ, православной Византіи. Послѣ взаимныхъ совѣщаній съ народомъ, славянскіе князья въ 862 г. отправили къ Греческому Императору посланіе слѣдующаго содержанія: «народъ нашъ отвергся язычества и принялъ законъ христіанскій; но мы не имѣемъ такого учителя, который на родномъ нашемъ языкѣ открылъ бы истинную вѣру христіанскую, чтобы и другія страны послѣдовали нашему примѣру. По этому просимъ тебя, державный государь, пришли къ намъ такого епископа и учителя. Отъ васъ всегда во всѣ страны пеходитъ добрый законъ». По полученіи этаго посланія, въ Константинополѣ немедленно составилъ соборъ, на который приглашены были и св. братья, — и здѣсь Императоръ, обращаясь къ св. Кириллу, сказалъ: знаю, философъ, что ты слабъ (св. Кирилль отъ усиленныхъ занятій сильно разстроилъ свое здоровье), но нельзя тебѣ не пойти къ нимъ (славянамъ); кромѣ тебя никто другой не можетъ выполнить ихъ прошенія.» Не утратилъ труженникъ Христовъ великаго подвига, ему предлагаемаго; полный вѣры въ всемогущаго Бога, онъ отвѣтилъ императору! „слабъ и боленъ я, но съ радостью пойду;“ но при этомъ спросилъ: имѣютъ ли славяне свою азбуку? — Императоръ объявилъ, что славянской азбуки нѣтъ и что ея искали и дѣдъ его, и отецъ и многіе другіе — и не нашли; на это замѣтилъ св. Кирилль: «развѣ можетъ кто писать бесѣду на водѣ? или

желать прослыть еретикомъ? „Учить безъ помощи письменнаго языка, по выраженію св. философа, тоже, что писать бесѣду на водѣ. св. братья вполнѣ понимали, что нельзя просвѣтить славянъ иначе, какъ преподавъ имъ слово Божіе и свящ. книги на родномъ имъ языкѣ. Чужой языкъ, чужая грамата не можетъ вполнѣ передать смыслъ родной рѣчи и чужой языкъ, хотя и понятный, не говоритъ такъ близко сердцу, какъ родное слово; жить всегда съ чужою граматою, съ иностранными книгами, тоже, что жить чужимъ умомъ, а не своимъ; быть въ гостяхъ, а не дома. Притомъ проницательный философъ предвидѣлъ, съ какою завистію прежніе учителя славянъ — латинскіе миссіонеры будутъ смотрѣть на труды новыхъ проповѣдниковъ и съ какимъ безстыдствомъ станутъ разсѣвать клеветы и о нихъ самихъ и ихъ ученіи. Чтобы проповѣдь сдѣлать вполнѣ плодотворною, чтобы оградить ее отъ извращенія и клеветъ, со стороны людей злонамѣренныхъ, необходимо требовалось заключить ее въ письменна. И вотъ благодать Божія умудрила св. Кирилла и Меѳодія составить славянскую грамату, чтобы передать славянамъ слово Божіе и свящ. книги на родномъ ихъ языкѣ. Письмена, или буквы словянскія св. братьями взяты были съ греческаго алфавита, дополнены и приспособлены къ звукамъ славянской рѣчи. Во время своихъ апостольскихъ трудовъ св. братья достаточно ознакомились съ славянскою рѣчью на разныхъ нарѣчіяхъ (такъ напр. у хазаръ съ русскимъ славяниномъ, имѣвшимъ евангеліе), а это давало имъ возможность усовершенать свою славянскую грамату и приспособить такъ, чтобы она пригодилась для всехъ извѣстныхъ имъ славянскихъ племенъ. Изобрѣтши азбуку, св. братья предприняли дальнѣйшій подвигъ для просвѣщенія славянъ — переводъ свящ. книгъ на славянскій языкъ. Первые слова, переведенныя ими были величественныя слова Евангелія Іоанча

Богослова: *Искони* (въ началѣ) *бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово.* Съ этимъ переводомъ начался для славянъ какъ бы день воззванія, воскресенія къ новой жизни, день духовнаго просвѣщенія. Обрадованные видимымъ благословеніемъ Божиимъ святыхъ трудовъ славянскихъ апостоловъ, Императоръ и Патріархъ возблагодарили и прославили Господа, а св. братья съ радостью поспѣшили съ евангеліемъ проповѣдью къ славянамъ. Путь св. Кирилла и Меодія лежалъ чрезъ Болгарію, которую издавна населяли славяне же. Въ Болгаріи христіанство было извѣстно съ 8 вѣка и особенно послѣ 814 года, когда Крумъ, болгарскій король, взявъ Адрианополь и другіе греч. города, захватилъ въ плѣнъ нѣсколькихъ епископовъ со многими христіанами. Эти-то плѣнники сдѣлались проповѣдниками евангелія среди Болгаръ. Въ половинѣ 9 вѣка Христова вѣра окончательно утвердилась въ Болгаріи. Царь Болгарскій Борисъ принялъ св. крещеніе по чину восточной церкви. Были ли въ этой странѣ св. Кирилль и Меодій съ проповѣдью Евангелія до посольства Ростиславова къ Императору Михаилу, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторые памятники исторіи, или нѣтъ; имѣли ли они вліяніе на духовное возрожденіе ея, до выхода своего въ Моравію, или не имѣли, — во всякомъ случаѣ, оно не могло быть чуждымъ ихъ сердцу, какъ имѣвшее связь съ ихъ ближайшимъ назначеніемъ. И потому, дошедши до Болгаріи, они остановились и занялись здѣсь проповѣдью слова Божія. Это была, именно, та пора, когда готовился рѣшительный нравственный переворотъ въ Болгаріи, когда царь Борисъ былъ въ сильномъ раздумьи, куда, къ какой христіан. странѣ примкнуть: къ Западу или Востоку; уже латинскіе миссіонеры съ своею проповѣдью разсѣялись по Болгаріи и изгоняли православное, греческое духовенство. Появленіе св. Кирилла и Меодія въ Болгаріи было благовременнымъ и благотворнымъ для ея жителей.

Высокія умственныя и нравственныя качества просвѣтителѣй славянъ, показывавшія въ нихъ великихъ учителей вѣры, новый, привлекательный пріемъ проповѣди, которую они начинали теперь обученіемъ славянъ родной граматкѣ, живая, разумная ихъ рѣчь на родномъ языкѣ, совершеніе Богослуженія на языкѣ понятномъ для всѣхъ, — все это сильно дѣйствовало на болгарскій народъ и оставило въ немъ такое сильное впечатлѣніе, что онъ и по сіе время, наравнѣ съ другими славянскими племенами, благоговѣйно чтить память св. братьевъ, какъ своихъ единственныхъ апостоловъ, перѣдко усвоая имъ по чувству глубокаго уваженія къ ихъ трудамъ, даже и то, что въ дѣлѣ обращенія къ Христовой вѣрѣ другими совершенно, какъ напр. крещеніе царя Бориса. Между прочимъ проповѣдь св. Кирилла и Меодія въ Болгаріи была полезна и для нихъ самихъ. Здѣсь они заблаговременно могли найти и приготовить себѣ достойныхъ сотрудниковъ для дальнѣйшаго своего служенія, могли съ успѣхомъ, при ихъ содѣйствіи, продолжать переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ и сдѣлать необходимыя усовершенствованія въ изобрѣтенной имъ славянской письменности, на которыя указывалъ имъ опытъ. Ученые замѣчаютъ, что языкъ церковно богослужебныхъ книгъ св. Кирилла и Меодія имѣетъ весьма близкое сходство съ нарѣчіемъ болгарскимъ. Чѣмъ всего естественнѣе объяснить это, какъ не тѣмъ, что св. братья — сами уроженцы Болгаріи и на первыхъ порахъ занимались обработкою славянскаго языка и переводомъ богослужебныхъ книгъ въ Болгаріи и при помощи учениковъ — болгаръ, пользуясь составомъ и формами болгарскаго языка? Изъ Болгаріи св. Кириллъ и Меодій прямо прибыли въ Моравію. Моравскій князь Ростиславъ, ожидавшій съ нетерпѣніемъ ихъ прихода, оказалъ св. братьямъ высоее уваженіе и глубокое сочувствіе къ ихъ свят. дѣлу.

Немедленно по ихъ прибытіи, онъ собралъ учениковъ и отдалъ ихъ въ наученіе св. братьямъ. Чѣмъ яснѣе обнаружилось довѣріе князя и народа къ равноапостольнымъ, тѣмъ съ большимъ усердіемъ принялись они за просвѣщеніе морав. славянъ. Явилась живая, разумная проповѣдь слова Божія, открылось понятное для всѣхъ, величественное Богослуженіе православной церкви. Въ одно и то же время св. Кириллъ и Меѳодій и обучали славянъ граматѣ и продолжали переводить священныя и богослужебныя книги на ихъ языкъ. Успѣшно происходилъ переводъ свящ. книгъ. Въ короткое время св. братьями переведены были и введены въ Богослуженіе: вечерня, повечеріе, полунощница, утренняя, литургія—весь церковный чинъ. И отверзшася, съ восторгомъ говорить жизнеописатель св. Кирилла и Меѳодія, по пророческому слову, уши глухихъ услышати книжныя словеса и языкъ ясенъ бысть гугнивымъ. Тогда, какъ бы такъ говорить біографъ св. братьевъ, надъ славянами какъ бы совершилось чудо, предсказанное пророкомъ: отверзлись уши глухихъ, раскрылся языкъ ѳимыхъ. Ибо хотя моравскіе и слышали отъ своихъ прежнихъ учителей службу латинскую, или проповѣдь ѳѣмецкую, но та служба и проповѣдь были для нихъ все равно, что—для глухихъ и ѳѣмыхъ; такъ какъ славяне не понимали латинскаго языка. Славяне радовались своему счастью—прославлять Господа на родномъ языкѣ и благодарить Бога. Но на грѣшной землѣ добро всегда борется со зломъ. Нашлись недоброжелатели трудамъ св. братьевъ и сильную борьбу они должны были выдержать съ прежними моравскими учителями, латинскимъ духовенствомъ. «Дѣло ваше, говорили латинскіе бискупы св. Кириллу и Меѳодію, не къ славѣ Божіей. Славить Бога можно только тремя языками: еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ, на которыхъ Пилать сдѣлалъ надписи на крестѣ Спасителя». Сильно укорялъ за это латин. бискуповъ

св. Кирилль, по справедливости называя ихъ трехъ-язычниками и пилатниками, какъ они того и заслуживали, какъ будто надпись, сдѣланная Пилатомъ на крестѣ, указъ христ. учителямъ. Не будучи въ состояніи противостать сильному слову защитниковъ православной вѣры, враги православія рѣшились на клевету. Они донесли римскому папѣ о неправомыслии св. Кирилла и Меѳодія и ихъ уклоненіи отъ римской церкви. Не столько внимая клеветамъ на св. братьевъ, сколько изъ желанія видѣть славянскихъ проповѣдниковъ, папа Николай 1-й вызвалъ ихъ въ Римъ. Св. Кирилль и Меѳодій, хотя считали себя и неподвластными римскому папѣ, но по своему смиренію, отиравились къ нему. Взяли съ собою св. братья и переведенныя ими на славянскій языкъ богослужебныя книги, чтобы ими опытно доказать свою правоту на судѣ папскомъ, если это понадобится. Взяли съ собою и часть мощей св. Климента, папы римскаго во свидѣтельство того, что они хорошо понимаютъ и уважаютъ истинное достоинство римскаго Епископа. На пути въ Римъ посѣтили Паннонскаго князя Коцела, которому такъ понравилась родная грамата, что онъ самъ съ усердіемъ занялся ею и до 50 учениковъ далъ имъ для обученія. Въ знакъ особеннаго съ своей стороны уваженія къ св. братьямъ, Коцель лично проводилъ ихъ до границъ своего княжества и хотѣлъ, по примѣру Ростислава, принести имъ чтолибо въ даръ отъ себя; но св. братья не приняли и отъ него, какъ и отъ Ростислава, ни серебра, ни золота, ни другой какой либо вещи; и просили только, по обычаю, отъ того и другаго до 900 плѣнныхъ и даровали имъ свободу. Лишь только св. Кирилль и Меѳодій прибыли въ Венецію, какъ снова возстали на нихъ латинскіе епископы и монахи, съ своею трехъязычною ересью: «скажи намъ, говорили они, обращаясь къ св. Кириллу, какъ дерзнулъ ты придумать для славянъ книги и учить ихъ по

нимъ, когда никто другой прежде тебя не осмѣлился сдѣлать это: ни апостолы, ни папа, ни древніе отцы? Мы знаемъ только три языка, на которыхъ можно славить Бога». Напрасно св. философъ представлялъ имъ сильныя, разумныя доказательства на то, что онъ поступаетъ справедливо, а они заблуждаются. Безъ пользы указывалъ онъ имъ на благодать Божию, всѣмъ равно желающую спасенія указывалъ, на армянъ, персовъ, грузинъ, готевъ и другихъ, кои славятъ Бога на своемъ языкѣ. Тщетно св. Кириллъ приводилъ имъ слова св. псалмопѣвца: *пойте Господеву вся земля... вся земля да поклонится, и да поестъ Тебѣ, да поестъ же имени Твоему Вышній* (Псал. 95, 65), — слова Спасителя: *шедше научите вся языки*. (Мф. 28, 16). Что ни говорилъ имъ защитникъ праваго дѣла, ничто не помогло; такъ онъ въ душевной скорби и оставилъ заблуждшихъ. За то просвѣтители славянъ утѣшены были особеннымъ вниманіемъ къ себѣ римскаго Епископа. Еще они были на пути, какъ явилось отъ папы почетное посольство, а когда достигли Рима, самъ папа Адрианъ 2-й, преемникъ Николая, изъ благоговѣнія къ мощамъ св. Климента, вышелъ на встрѣчу славянскимъ апостоламъ со свѣчами, въ сопровожденіи множества римскихъ гражданъ. Какъ бы для торжественнаго оправданія св. братьевъ въ взнесенныхъ на нихъ клеветахъ, и во свидѣтельство предъ цѣлымъ Римомъ чистоты ихъ вѣры и богоугодности ихъ подвиговъ, на мѣстѣ самой встрѣчи, отъ св. мощей совершились чудесныя исцѣленія больныхъ. Принявъ благоговѣнно мощи св. Климента отъ св. пришельцевъ и славянскія книги, самъ папа освятилъ славян. книги и положилъ въ церкви св. Маріи, гдѣ по нимъ была отправлена литургія. Но и въ Римѣ нашлись осуждавшіе славянское богослуженіе, какъ введеніе богопротивное. Папа сильно возсталъ противъ этихъ пилатниковъ, какъ онъ ихъ назвалъ и повелѣлъ одному

епископу, зараженному тѣмъ же заблудствіемъ, произнести на нихъ проклятіе. Не отвергъ Адрианъ и ходатайства св. Кирилла и Меодія о посвященіи нѣкоторыхъ изъ ихъ спутниковъ въ церковныя должности. вмѣстѣ съ этимъ начался рядъ литургій на славянскомъ языкѣ; впервые славянская литургія была совершена въ соборѣ св. Ап. Петра, гдѣ на алтарь возложено было славянское Евангеліе; на другой день — славянское богослуженіе было отправлено въ церкви св. муч. Петрониллы, потомъ — въ церкви Ап. Андрея, а въ заключеніе, ночью, въ церкви св. Ап. Павла, надъ его гробомъ. Совершеніе славянской литургіи на гробахъ апостоловъ было какъ бы вразумленіемъ свыше немиролюбивому Риму, что всѣ народы, — и тѣ, коихъ просвѣтилъ евангел. проповѣдью Ап. Павелъ, и тѣ, коихъ обратилъ ко Христу Ап. Петръ, и славяне, къ которымъ съ Евангеліемъ приходилъ Ап. Андрей, — всѣ они составляютъ одну церковь Божию, въ которой не должно быть ни распрей, ни раздѣленій, ничего противнаго любви Христовой. Къ сожалѣнію, въ Римѣ такъ сильно было предубѣжденіе противъ совершенія богослуженія на славянскомъ языкѣ, что положительно можно сказать, что благосклонность, съ которою были приняты просвѣтители славянъ, была только видимая, — но за всѣмъ тѣмъ она имѣла благотворное послѣдствіе для св. братьевъ. Она заставила затихнуть, хотя на время, ихъ противниковъ, усилила довѣріе къ нимъ славянъ, смущенныхъ ихъ врагами и въ самомъ Римѣ обратила вниманіе многихъ какъ на самихъ проповѣдниковъ, такъ и на ихъ труды. Многие изъ римлянъ приходили къ св. философу для того только, чтобы посмотреть на славянскія книги, узнать отъ него и о народѣ, съ которымъ имѣлъ дѣло и о тѣхъ плодахъ, которые приносятъ Евангел. проповѣдь славянамъ на родномъ ихъ языкѣ; даже римскіе евреи приходили къ св. Кириллу и поучались отъ него.

Все радовало въ Римѣ славянскихъ апостоловъ и за все въ восторгъ сердца, вмѣстѣ съ своими учениками, они возносили хвалу и благодареніе Господу, но среди этой радости неожиданно страшная скорбь поразила малое общество славянскихъ учителей. Св. Кириллу не суждено было возвратиться изъ Рима къ славянамъ.

О кончинѣ св. Кирилла, пресвѣтителя славянъ въ жизнеописаніи св. Солунскихъ братьевъ сказано: «Постоянныя, усиленныя ученныя занятія св. Кирилла философа, съ самыхъ раннихъ лѣтъ его жизни, рано уже ослабили его тѣлесныя силы, и безъ того не очень крѣпкія; апостольскіе труды среди славянъ еще болѣе разстроили ихъ. Въ Римѣ въ 868 г. онъ скоро почувствовалъ въ себѣ болѣзнь уже смертную. — Что было въ душѣ ревностнаго поборника славы Божіей, когда онъ боролся со смертію, не зная гдѣ и какой будетъ конецъ, такъ счастливо начатыхъ имъ, спасительныхъ трудовъ!... И теперь, какъ всегда, онъ всецѣло предавалъ себя и свои труды Господу. Однажды, когда уже протекло много дней его болѣзни, удостоившись нѣкотораго утѣшительнаго видѣнія, онъ вдругъ началъ пѣть псаломъ Давидовъ: *возвеселихся о рѣшихъ моихъ: въ домъ Господень поидемъ*. Съ этимъ вмѣстѣ, облекся въ лучшія свои одежды, и цѣлый день провелъ въ нихъ, радуясь о Господѣ. Наконецъ, сказалъ: «отселѣ нѣсмь азъ, ни царю слуга, ни иному кому на земли, но токмо Богу Вседержителю», и, въ слѣдующій же день, утромъ, въ знакъ совершеннаго отреченія отъ міра, принявъ схиму. Между тѣмъ жизнь все слабѣла и слабѣла. Черезъ 50 дней, по постриженіи, онъ почувствовалъ, что приспѣло уже время отшествія отъ сей жизни. Часъ его, уреченный Господомъ, насталъ... а съ тѣмъ вмѣстѣ, открылась и вся полнота его любви въ духовнымъ чадамъ своимъ, о спасеніи коихъ онъ, и въ страшныя минуты своей смерти, не переставалъ отечески забо-

титься. Провидя духомъ судьбу славянъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ хищными волками, Кирилль въ послѣдній разъ, воздѣваетъ праведныя руки свои къ небу, и слезно умоляетъ Господа, чтобы Онъ сохранилъ это вѣрное свое стадо, избавилъ его отъ безбожной злобы, отъ всякаго многогрѣчиваго и хульнаго еретическаго языка, — погубилъ трехъязычную ересь, возрастилъ церковь свою, всѣхъ призвалъ къ единодушію и единомыслію въ вѣрѣ, вдохнулъ во всѣхъ слово Своего ученія. *Еже мнѣ бѣ далъ*, говорилъ онъ, *яко Твое, и Тебѣ предаю я. Устрой сильною Твоею десницею, покрый и кровомъ крилу Твоею, да вси хвалятъ и славятъ имя Твое, Отца и Сына и Св. Духи во вѣки.* Не забылъ онъ и сотрудниковъ своихъ. Всѣхъ ихъ обლობызалъ онъ лобзаніемъ святымъ, всѣмъ имъ молитвенно пожелалъ Божіей помощи избавиться отъ ловитвы враговъ ихъ. Особенно трогательно было его послѣднее слово къ брату своему, съ которымъ онъ, отъ юности своей, дѣлилъ и скорби и радости, и трудъ и покой, и на котораго возлагалъ теперь всю надежду въ благомъ дѣяніи. *Сеи брате*, говорилъ онъ св. Меодію, съ смертнаго одра своего, *супруга бляховъ, едину бразду тяжуща. И азъ на лехъ падаю, свой день скончавъ. А ты любишь гору (Олимпъ) вельми, то не мнози горы ради оставити ученія своего!* (т. е. мы были съ тобою, братъ, какъ пара воловъ, одну ниву воздѣлывающихъ. И вотъ я падаю на браздѣ, окончивъ день свой, а ты, знаю, любишь гору Олимпъ, но изъ-за нея не оставляй просвѣщеніе славянъ). Съ такими святыми чувствами, мирно отошелъ ко Господу вѣрный дѣлатель въ дому Его, на 42 году своей жизни въ 14 день февраля, 869 года.

Рановременная кончина Христова философа причинила тяжкую потерю не только ближайшимъ сотрудникамъ его, но

и всей церкви православной. Въ немъ лишилась она одного изъ самыхъ даровитыхъ и ревностныхъ учителей и защитниковъ вѣры святой. По распоряженію папы Адріана ко гробу почившаго угодника Божія, должны были предстать и греки, и бывшіе тогда въ Римѣ, и римляне, пѣть надъ нимъ погребальныя пѣсни со свѣчами, и проводить съ полною торжественностію, какъ бы проводили они самого папу. Всякое усердіе къ нему было принято папою, какъ дѣло истинно богоугодное. — Св. Меодій объявилъ папѣ, что ихъ мать заклала, чтобы тотъ изъ нихъ, кто переживетъ другаго, непременно перенесъ отшедшаго во Господу въ свой монастырь. Адріанъ такъ и велѣлъ было сдѣлать. Для этого, по его же приказанію, гробъ почившаго поставленъ былъ въ особый ящикъ и забитъ гвоздями. — По истеченіи 7 дней послѣ того, когда все еще шли приготовленія къ пути, римское духовенство стали просить папу оставить мощи святого въ Римѣ. „Послѣ многихъ путешествій по разнымъ странамъ, говорили они, Господь привелъ его, наконецъ, въ Римъ; здѣсь и взялъ душу его. Прилично ему, какъ мужу честному, и покониться здѣсь же. Принялъ папа и эту просьбу, изъявивъ желаніе большее дѣлать. „Если такъ, отвѣчалъ онъ прелатамъ, то изъ уваженія къ святости почившаго и изъ любви къ нему, я, преступивъ обычай римскій, погребу его въ моемъ собственномъ гробѣ, въ церкви св. Петра“. — Ясно открывалось изъ всего этого, что самъ Господь избиралъ Римъ въ мѣсто вѣчнаго упокоенія для св. пришельца съ востока, дабы онъ, и по смерти своей, не переставалъ обличать его въ уклоненіи отъ чистоты первобытной церкви Христовой, оставаясь вмѣстѣ предателемъ предъ нимъ о новообращенныхъ чадахъ своихъ въ земляхъ Славянскихъ, смущаемыхъ кознями вражими. Св. Меодій понялъ намѣреніе Божіе, и оставилъ прежнее свое желаніе; но, чтобы, съ одной стороны, сдѣлать доступнѣе свя-

тыню для истинныхъ учителей ея, а съ другой, отклонить отъ ней земное величіе, котораго избѣгалъ при жизни смиренный слуга Христовъ; и, съ тѣмъ вмѣстѣ, очевидное показать намѣреніе Божіе о ней; и онъ борѣшился просить папу положить честныя останки единокровнаго сотрудника своего не въ гробѣ павскомъ, а въ храмѣ св. Климента, съ мощами котораго въ Римѣ пришли. Папа и на это охотно согласился. По его повелѣнію, немедленно собрались епископы, иноки и народъ и, съ подобающею честію, проводили св. останки до означенной церкви. Приятомъ, Господу угодно было земныя почести, одостойно показанныя усопшему праведнику, запечатлѣть знаменіемъ Своей силы. Въ храмѣ епископы хотѣли по-смотреть, не похищена ли какая часть отъ его св. мощей. Но, сколько не усиливались, не могли вынуть гвоздей, которыми былъ заколоченъ гробъ. Такъ, съ ящичкомъ вмѣстѣ, и доставили они гробъ, по правую сторону алтаря. — Вскорѣ гробъ святаго сдѣлался источникомъ многоразличныхъ чудесъ и дарованій Божіихъ. Чѣмъ болѣе обнаруживалась сила благодати, которую стяжалъ на небѣ угодникъ Божій, тѣмъ болѣе возрастало благоговѣніе къ нему. Римляне поставили на гробѣ икону его, и, день и ночь, возжигали елей предъ ней, воздавали хвалу Богу, и прославляющему прославляющихъ Его. — Давно погасла священная лампада эта: давно скрылся отъ очей вѣрующихъ и самый гробъ славянскаго апостола, покрытый камнями распавшагося храма, въ которомъ за 1000 лѣтъ, онъ поставленъ былъ! Но любовь къ великому учителю не угасла. Въ настоящее время, явилось у нѣкоторыхъ благочестивое желаніе возстановить храмъ св. Климента въ Римѣ, и почти уже весь онъ очищенъ отъ мусора. Быть можетъ, скоро снова откроется для насъ завѣтный гробъ св. Кирилла и снова будетъ тлѣться священная лампада предъ нимъ, возжигая вѣру и любовь Христову въ благоговѣйно

поклоняющихся ему» (Жизнь св. ит Кирилла Меодія, А. Князева 28—31 стр). Оставшись одинъ по смерти св. Кирилла въ Римѣ, Меодій думалъ только о томъ, чтобы исполнить предсмертную мольбу брата и продолжить начатый съ нимъ подвигъ христіанскаго просвѣщенія славянъ, но въ Римѣ по какимъ-то разсчетамъ задерживали учителя славянъ, пока паннонскій князь Коцель не отправилъ посольство къ папѣ о возвращеніи къ нимъ св. братьевъ. Адрианъ съ св. Меодіемъ отправилъ на имя славянскихъ князей Ростислава, Святополка и Коцела посланіе, въ которомъ онъ старался показать себя весьма попечительнымъ о славянахъ, съ явнымъ разсчетомъ чрезъ это привлечь ихъ къ себѣ. Радуется ихъ просвѣщенію, хвалитъ славянскихъ учителей, а о Кириллѣ извѣщаетъ князей: «отецъ, учитель и просвѣтитель вашего народа Кириллъ философъ, который столько орудился въ вашихъ странахъ, преставился; но преподаеть вамъ съ братомъ своимъ Меодіемъ послѣднее цѣлованіе, миръ и благословеніе». Папа одобряетъ и славянскія книги и дозволяетъ по нимъ совершать богослуженіе, угрожая церковнымъ судомъ всякому, кто осмѣлился бы ихъ хулить; но какъ ни благорасположеннымъ казался папа къ славянамъ, а все таки не все далъ имъ, чтобы могъ и долженъ дать; онъ не призналъ за славянскими книгами полного достоинства и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на литургіи апостольныя евангеліе читались сперва по латини, а потомъ уже и по славянски; онъ отпустилъ Меодія лишь въ священнич. санѣ, какъ онъ учениковъ его, тогда какъ славянамъ нуженъ былъ отнынѣ уже свой епископъ, архипастырь всей возрождающейся славянской церкви. Когда Меодій возвратился къ славянамъ, то всюду его встрѣчали съ любовію и радостію, какъ ангела Божія, но при извѣстїи о кончинѣ св. Кирилла вездѣ поднимался всеобщій плачъ и

составлялись въ честь его гимны. Меѳодій остановился у Коцела, который принявъ его съ великою честію, былъ оскорбленъ, что просвѣтитель славянъ не былъ почтенъ святительскимъ саномъ, вслѣдствіе чего князь снова отправилъ Меѳодія въ Римъ къ папѣ, съ просьбою посвятить его во епископа Панноніи, гдѣ по мѣстнымъ преданіямъ первымъ распространителемъ христіанства и первымъ епископомъ былъ св. Андроникъ, одинъ изъ 70 Апостоловъ, спутникъ Ап. Андрея и Коцель просилъ папу возстановить эту древнюю кафедру возведеніемъ на нее св. Андроника. Просьба Коцела хотя и не правилось папѣ, но была имъ исполнена изъ боязни что-бы не обратился князь къ греч. церкви и св. Меѳодій былъ посвященъ въ 870 г. во епископа Панноніи, но съ правами архіепископа, такъ что могъ самостоятельно править дѣлами славянск. церкви. Прибывъ въ Паннонію, св. Меѳодій съ апостольскою ревностію трудился надъ просвѣщеніемъ славянъ и число духовныхъ чадъ его быстро умножалось. Увлекаемые духовною сладостію богослуженія на родномъ языкѣ, славяне съ восторгомъ слѣдили въ тѣ храмы, въ которыхъ оно совершалось, а латинскія церкви опустѣли. Но не долго веселился св. пастьрь о своей паствѣ: большое несчастье постигло славянъ. Мужественный Ростиславъ своимъ вѣроломнымъ племянникомъ Святополкомъ, желавшимъ завладѣть при помощи нѣмцевъ Морав. княземъ, былъ ославленъ и заключенъ въ одинъ изъ германскихъ монастырей. Святополкъ подчинился вліянію нѣмецкаго духовенства которое, пользуясь разстроеннымъ положеніемъ Моравіи, открыто возстало противъ св. Меѳодія. „Ты учишь въ нашей области“, говорили латинскіе Епископы святителю. „Не я, а вы поступаете вопреки церковнымъ законамъ, кротко отвѣчалъ имъ св. Меѳодій и совѣтовалъ имъ остерегаться, чтобы не напрасень былъ ихъ трудъ совратить славянъ въ латинство.

Преосвященный Филаретъ, Епископъ Рижскій

Православная церковь понесла новую потерю. 23 февраля, въ Ригѣ, въ три часа пополудни, скончался отъ разрыва сердца преосвященный Филаретъ епископъ Рижскій и Митанскій. Почившій архипастырь былъ сынъ священника Воронежской епархіи и въ мірѣ назывался Михаиломъ Прокопѣвичемъ Филаретовымъ. Получивъ образованіе въ Воронежской семинаріи и потомъ въ Кіевской духовной Академіи, гдѣ въ 1851 году онъ окончилъ курсъ первымъ магистромъ, онъ былъ назначенъ въ ту же академію бакалавромъ по кафедрѣ Священнаго Писанія и въ томъ же 1851 году постригся въ монашество. Возведенный въ 1857 году въ санъ архимандрита, почившій въ 1858 году определенъ былъ инспекторомъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Казанскую духовную Академію, въ 1859 году переведенъ ректоромъ въ Кіевскую духовную Семинарію, а въ 1860 году назначенъ ректоромъ Кіевской духовной Академіи, и въ этой послѣдней должности (съ 1874 года въ санѣ епископа Уманскаго—втораго викарія Кіевской епархіи) состоялъ до конца 1877 года, когда послѣдовало его назначеніе на Рижскую кафедру.

На всѣхъ поприщахъ самостоятельной дѣятельности почившій всегда являлся человѣкомъ инициативы, живой энергической дѣятельности и непреклонной твердой воли. Способность его по управленію ввереннымъ ему дѣломъ обнаружилась еще во время его ректорства въ Кіевской духовной Семинаріи, гдѣ онъ значительно въ свое время оживилъ научную дѣятельность и основалъ первый издаваемый при семинаріи духовной журналъ *Руководство для сельскихъ пастырей*, имѣвшій тогда, благодаря покойному, важное научное и практическое значеніе. Но имя почившаго архипастыря особенно тѣсно связано съ Кіевскою духовною Академію, гдѣ онъ былъ ректоромъ болѣе 17 лѣтъ. Ректорство его совпало съ періодомъ полнаго всесторонняго обновленія Академіи, и въ нынѣшней Академіи

все—начиная со внѣшняго благоустройства всехъ академическихъ зданій и до внутренняго преобразованія ея по уставу 1869 года—носить на себѣ слѣды дѣятельнаго ума и энергіи преосвященнаго Филарета. Строгій блюститель закона и порядка, до точнаго исполненія даже формы, но при этомъ всегда окупленный искреннею любовью къ дѣлу и ревностію ко благу родной ему Академіи, онъ велъ управленіе ея твердою рукою и старался держать ее на высотѣ, какъ въ образовательномъ такъ и въ нравственномъ отношеніи. Ревностный въ дѣлахъ иногда даже до увлеченія и рѣзкости, онъ всегда подвигалъ собою примѣръ строгой дѣятельности, и для пользы Академіи не только не щадилъ трудовъ своихъ, иногда поистинѣ изумительныхъ, но и матеріальныхъ средствъ. Когда на какое-либо улучшение недоставало казенныхъ средствъ, покойный во всемъ умѣренный охотно жертвовалъ свои собственныя средства, иногда въ нѣсколько тысячъ рублей. Такъ не одна тысяча рублей пожертвована была имъ на перестройку Академіи въ 1864 г.; его же личнымъ пожертвованіемъ была и прекрасная коллекція портретовъ дѣятелей старой и новой Академіи, приготовленная имъ къ юбилею Академіи въ 1869 г. и украшавшая нынѣ залу торжественныхъ собраній Академіи. Но особенно виднымъ памятникомъ дѣятельности преосвященнаго Филарета въ Кіевской Академіи остаются основанные имъ Церковно-Археологическое Общество и музей. По его инициативѣ получившій свое начало и его энергіею разросшійся въ важное научное учрежденіе, Церковно-археологическій музей при Академіи получилъ отъ преосвященнаго Филарета и наиболѣе цѣнный вкладъ—знаменитую Сорокинскую коллекцію древнихъ иконъ, приобретенную имъ за 12 тысячъ рублей и пожертвованную музею. Памятный Академіи многими заботами и мѣрами къ возвышенію ея матеріальныхъ средствъ, когда эти средства до 1869 г. были весьма недостаточны, преосвященный Филаретъ жертвовалъ часть своихъ средствъ на усиленіе содержанія и нѣкоторыхъ наставниковъ Академіи. Всецѣло занятый дѣлами

административными, покойный въ теченіе почти десяти лѣтъ съ 1861 по 1869 г. былъ освобожденъ отъ чтенія лекцій въ Академіи, но когда послѣ этого перерыва онъ снова вступилъ на кафедру, то показалъ себя на высотѣ научныхъ достоинствъ, между прочимъ изданіемъ, для соисканія степени доктора, сочиненія *О книгѣ Іова*, труда замѣчательнаго по оригинальности и смѣлости ученыхъ выводовъ. Прямота сужденій и независимость воззрѣній были вообще отличительною чертой въ характерѣ почившаго архимандрита. Въ исторіи Кіевской Академіи преосвященный Филаретъ безспорно займетъ мѣсто на ряду съ самыми замѣчательными ея дѣятелями. Въ Академіи сохранится память о немъ и какъ о справедливомъ начальникѣ, умѣвшемъ отличать дѣйствительныя заслуги и уравнивать требованія правды съ чувствами гуманности.

Ту же энергію и твердость характера преосвященный Филаретъ перенесъ и въ свою церковно-административную дѣятельность въ Рижской епархіи. Здѣсь особенное вниманіе его обращено было, насколько намъ извѣстно, на благоустройство духовной семинаріи, на нравственное и матеріальное возвышеніе духовенства и въ особенности на устраненіе различныхъ стѣсненій и ограниченій какія терпѣли и терпятъ православные въ Остзейскомъ краѣ въ своихъ отношеніяхъ къ господствующему и привилегированному нѣмецкому элементу. Его ревностныя заботы обо всѣхъ этихъ сторонахъ епархіальной жизни, одушевленные горячею любовью къ дѣлу православія, встрѣчали живую поддержку въ высшихъ правительственныхъ сферахъ духовнаго вѣдомства и съ сочувствіемъ принимались мѣстнымъ духовенствомъ и православнымъ обществомъ, вовлекая его въ то же время въ нелегкую борьбу съ хитрою и сильною интригой противной партіи. Борьба эта, исполненная затрудненій и огорченій, вѣроятно и были причиною его преждевременной кончины на 57 году жизни. Православная церковь въ лицѣ преосвященнаго Филарета лишилась доблестнаго іерарха обла-

давшего выдающимся умомъ и характеромъ, и общавшаго занять высокое мѣсто въ ряду ¹⁾ дѣятелей церкви (Моск. Еп. Вѣд. № 61.).

С Л О В О на страсти Господни.

Какая величественная и страшная и торжественная картина представляется очамъ нашимъ!...

Съ горящимъ свѣтильникомъ и съ благоговѣйнымъ трепетомъ выходя къ вамъ, братіе, на священную кафедру, нельзя не поражаться тѣмъ ярко блещущимъ свѣтомъ, который огнемъ разливается по всему храму и своимъ чуднымъ блескомъ отражается во всѣхъ очахъ нашихъ. И счастливы тѣ очи, въ которыхъ въ настоящія страшныя минуты страстей Господнихъ, словно небесною росой искрятся слезы чистой пламенной молитвы...

Взирая на высоко воздвигнутый предъ нами крестъ Господень, обставленный свѣтильниками усердствующихъ ²⁾ отъ страха нѣмѣетъ сердце, но отъ избытка чувствъ, здѣсь у подножія креста Голгоетскаго, душа жаждетъ, братіе, бесѣды съ вами...

Переходя мысленно изъ Геосиманіи къ подножію креста Голгоетскаго сколько божественныхъ уроковъ мы могли бы взять изъ той страшной и священной для насъ исторіи страстей Господнихъ! Еще разъ въ жизни мы съ глубокимъ бла-

¹⁾ Редакторъ Епарх. Вѣдомостей обращается съ покорнѣйшею просьбою къ родственникамъ, соотечественникамъ и лицамъ вообще знакомымъ съ высокоуважаемымъ Преосвященнымъ Филаретомъ, Епископомъ Рижскимъ (уроженцемъ Воронеж. Епархіи, воспитанникомъ здѣшней семинаріи) сообщить свои воспоминанія о немъ, подбѣяться съ читателями Епарх. Вѣдомостей своими свѣдѣніями о жизни и дѣятельности замѣчательнаго Іерарха земли русской, доставить, в. б., у кого либо удѣльшія письма, труды его и вообще все, что будетъ сообщено, редакция съ благодарностію напечатаетъ на страницахъ своего изданія.

²⁾ Въ моемъ прежнемъ и въ нынѣшнемъ приходѣ предъ аналоемъ, на которомъ полагается св. Евангеліе для 12-ти чтеній, ставится высокий запрестольный крестъ, который окружается большими подсвѣчниками съ множествомъ горящихъ свѣчей, приносимыхъ усердствующими.

гоговніемъ выслушали сей-часъ двѣнадцать евангельскихъ чтеній о страданіяхъ и смерти нашего Сладчайшаго Спасителя, и такъ живо и сильно онѣ запечатлеваются у насъ на сердцѣ, что съ нашими горящими свѣтильниками мы какъ бы видимо окружаемъ Голгофу и умирающаго за насъ Господа. Что можетъ быть страшнѣе тѣхъ минутъ, когда мы съ зажженными свѣчами окружаемъ умирающаго своего близкаго роднаго? Безмолвно, тихо тогда льются слезы изъ очей нашихъ, мы жадно прислушиваемся къ каждому вздоху отлѣтающему изъ груди его и къ каждому родному предсмертному слову. Коротки бывають предсмертныя слова, но всегда живо и глубоко они врѣзаются въ нашу память. И сегодня, братіе, здѣсь у подножія креста Господня, мы выслушали великое предсмертное духовное завѣщаніе самаго Господа Иисуса, умирающаго за насъ. Предсмертныя слова и обыкновеннаго смертнаго бывають очень поучительны для тѣхъ кто присутствуетъ въ страшныя минуты разставанья души съ тѣломъ, но какимъ всемірнымъ поученіемъ остались міру предсмертныя слова Господа нашего Ис. Христа. Что можетъ быть для насъ поучительнѣе его духовнаго завѣщанія?...

«Чадца, еще съ вами мало есмь: възвеще мене, говоритъ Ис. Христосъ, предательски приговоренный къ смерти. Заповѣдую вамъ, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы. О семъ разумють вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имаше между собою. Вы други мои есте, аще творите, елика азъ заповѣдую вамъ... Имъй заповѣди моя и соблюдиши ихъ, той есть любяи мя, а любяи мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и азъ возлюблю его и явлюся ему, самъ. Миръ мой оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ, да радость моя въ васъ будетъ и радость моя исполнится... Да не смущается сердце ваше, иду уготовати мѣсто вамъ. Не оставлю васъ сиры!... (Іоан. 13 гл. 33—35. 14 гл. 37. 1 ст.)

Сколько безсмертной любви къ людямъ сказалось въ этихъ предсмертныхъ словахъ! До пришествія Спасителя на землю

никто изъ умирающихъ не говорилъ такими божественными словами. Такъ говорить предъ смертію могъ только тотъ, кто въ ужасныхъ страданіяхъ на крестѣ умеръ за спасеніе всѣхъ. Такъ говорить могъ только тотъ, кто взялъ на себя грѣхи всего міра и совмѣдалъ съ себѣ страданіе всѣхъ людей и смертныя муси всѣхъ смертей. Такое предсмертное, полное любви къ намъ духовное завѣщаніе могъ оставить міру только тотъ, кто въ страшныхъ мученіяхъ, умирая на крестѣ, молился за распинателей своихъ. Завѣщаніе предсмертное завѣщаніе умирающаго за насъ Спасителя, значитъ стать въ безчеловѣчную толпу Его новыхъ распинателей...

Въ нынѣшней полунощной молитвѣ, которая такъ живо напоминаетъ намъ страшную Геосиманскую полночь, съ глубокимъ смиреніемъ обратимся, братіе, мы сами къ себѣ: кого же мы въ настоящія минуты съ нашими свѣтильниками собою изображаемъ, — тѣхъ ли которые съ горячею родною любовью, со страхомъ и трепетомъ предстоятъ предъ умирающимъ за насъ Господомъ, или тѣхъ, которые *даже не видятъ бо что творятъ...*

Не смотря на то, что Спаситель въ минуты своей душевной скорби и пламенной молитвы въ саду Геосиманскомъ сказалъ своимъ ученикамъ, еще не облагоданствованныхъ свыше *будьте* и молитесь да не внидете въ напасть, онъ три раза подходилъ къ нимъ и заставлялъ ихъ спящими, *бѣста бо умз очи отяготити*. Съ болью на сердцѣ мы должны вспомнить, что и между нами, уже облагоданствованными въ часы страстей Господнихъ висѣлись *очи отяготити*, и грозной укоризной скажемъ инымъ Господь: *тако ли невозможность единого часа пробыти со мной?...*

Сквозь чашу деревъ Геосиманскаго сада, въ темную полночь происходилъ споръ воиновъ тоже съ зажженными свѣчами и видѣлось даже лобызаніе ласкаваго Іуды, которому такъ

кротко, но съ сильной укоризной, сказалъ Спаситель: «друзе, зачѣмъ ты здѣсь?» Нѣтъ ли и между нами, братіе, такихъ, которымъ долженъ бы чутъся тотъ же голосъ: «друзе, зачѣмъ ты здѣсь?» „Равви“, — отвѣчалъ Иуда—и слово замерло на его предательскихъ устахъ, „Учителю, здраствуй“, съ холоднымъ лобзаніемъ повторилъ Иуда. Что онъ смѣлъ бы больше сказать предъ всевидящимъ Сердцевѣдцемъ? „Кого ищите“, громко спросилъ Спаситель у толпы, вооруженной дрекольми и освѣщенной факелами. „Исуса Назарянина“, откликнулся кто-то изъ толпы... „Азъ есмь“, смѣло возвѣстилъ Спаситель, „Азъ есмь“, повторилъ онъ,—и будто отъ громоваго удара безумная толпа евреевъ пала на землю.... *«Азъ есмь»* и намъ говорить съ креста умирающій за насъ Господь,—*Азъ есмь путь, истина и животъ!* И съ той поры извѣстенъ сталъ всему міру тотъ единственный истинный путь, который ведетъ насъ къ вѣчному спасенію,—и съ той поры всемъ сердцемъ мы вѣруемъ, что на животворномъ крестѣ Христа жизнедавца свершилось наше истинное спасеніе. На злобномъ судѣ надъ Ис. Христомъ люди сбившіеся съ истиннаго пути и лукаво закрывая очи предъ истиной, спрашивали у Спасителя: „что есть истина? Свершимъ, братіе, судъ надъ собою,—не уклонились ли и мы такъ же далеко отъ истиннаго пути ко спасенію, не пора ли и намъ спрашивать у самихъ себя и у людей насъ окружающихъ: „гдѣ же истина?“... Божественнымъ ученіемъ и кровавыми страданіями нашего Спасителя утвержденная истинная и святая церковь христіанская уже много вѣковъ возвѣщаетъ міру, что есть истина, въ ней одной, братіе, и будемъ искать нашего истиннаго и вѣчнаго спасенія. Ныѣшній огненный блескъ тѣхъ свѣтильниковъ, съ которыми мы благовѣрно предстояли предъ крестомъ Господнимъ пусть же, братіе, животворно проникаетъ и въ холодную темницу души нашей,— пусть же онъ будетъ благодатнымъ свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка. Вѣруемъ, братіе, всемъ сердцемъ вѣруемъ, что отъ Спасительнаго креста Господня по всему міру ярко разли-

вается тотъ истинный свѣтъ, который во тьмѣ свѣтится и тьма его необьятъ!...

Черезъ нѣсколько минутъ мы съ благовѣйнымъ страхомъ будемъ выходить изъ св. храма, каждый будетъ думать о томъ, что кому глубоко запало на сердце, но тамъ, за дверями храма, въ темнотѣ ночи очамъ нашимъ представится другая чудная картина, — тамъ небо сольется съ землей. Представится небо, усыпанное блестящими звѣздами и земля заблеститъ, словно звѣздами, огнями блестящихъ свѣчей нашихъ, съ которыми, по разнымъ дорогамъ, мы пойдетъ каждый въ свою хижину. Если бы какой иновѣрецъ въ первый разъ у насъ въ православной Руси увидаль издали эту дивную картину нашей нынѣшней Геосиманской полночи, онъ не сразу отгадалъ бы, гдѣ же небо и гдѣ земля, но мы смѣло ему сказами бы тогда, что въ эту полночь Сынъ Божій видимо соединилъ землю и небо. Онъ своими крестными страданіями указалъ жителямъ земли истинный путь на небо!...

Сл. бл! Понесемъ же съ благоговѣніемъ и молитвой свѣтъ и огонь церковныхъ свѣчей въ наши жилища, но и тамъ не будемъ поспѣшно тушить ихъ, — поставимъ ихъ предъ нашими святыми иконами, гдѣ навѣрно уже теплится лампада, соберемъ на молитву свою родную семью и въ нынѣшнюю страшную Геосиманскую полночь будемъ пламенно молиться Господу Иисусу, пострадавшему и умершему за насъ! Вотъ та и величественная и страшная полночь, въ которую всѣмъ должно плакать и молиться! Аминь.

Священникъ *Стефанъ Карповъ*.

Торжество 14 февраля въ Преображ. церкви слободы Уразовой (Валуйскаго уѣзда).

Февраля 14-го въ Преображенской церкви слободы Уразовой отслужена была по покойномъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ панихида по слѣдующему случаю.

Въ концѣ Ноября 1881-го года пожертвована была въ Преображенскій храмъ жителемъ этой слободы, Петромъ Тихоновымъ Педенко, икона Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невского, украшенная вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, — и въ тоже время освященная. По заявленію Педенко, вѣнокъ, украшающій икону, испрошенъ имъ съ гробницы покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.

Но какъ не было въ этомъ удостовѣреніи, то и просили его Педенко, выхлопотать оное для того, чтобы икона эта украшенная вѣнкомъ навсегда для потомства осталась памятью о покойномъ Монархѣ.

Въ концѣ сырной недѣли, Педенко доставилъ удостовѣреніе, подписанное священникомъ С—Петербуркскаго Петропавловскаго собора Нечаевымъ, — и подпись священника удостовѣрена плать-маіоромъ С—Петербургской крѣпости, — Гвардіи полковникомъ Сабанѣевымъ, секретаремъ и приложеніемъ казенной печати, — изъ котораго видно: Петромъ Тихоновымъ Педенко и товарищами его тойже слободы крестьяниномъ Феодоромъ Веретяниковымъ и унтеръ—офицеромъ учебного баталіона Иваномъ Ворошиловымъ была отслужена надъ могилою въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича панихида священникомъ Петропавловскаго собора Иоанномъ Нечаевымъ, и послѣ чего по просьбѣ служившихъ панихиду ему Педенко, былъ врученъ Генераломъ Адыутаномъ А. М. Рыльевымъ пальмовый вѣнокъ съ гробницы покойнаго Государя Императора Александра Николаевича для украшенія иконы, которую онъ намѣревался принести въ мѣстный храмъ, — въ память о Царѣ—Освободителѣ.

Имѣя актъ на такое дорогое приношеніе, назначено было въ первый воскресный день великаго поста отслужить панихиду по покойномъ Государю Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Носилъ литургіи 14 февраля, при многочисленномъ стеченіи народа, — предъ иконою, положенною на срединѣ храма, — на

стоятелемъ Преображенской церкви отслужена была панихида и сказана слѣдующая рѣчь.

Не такъ давно въ нашъ храмъ принесена икона Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, украшенная вѣнкомъ изъ цвѣтовъ. Какъ въ настоящее время видно изъ удостовѣренія, присланнаго съ мѣста погребенія Императора, этотъ вѣнокъ пальмовый, украшающій икону, съ гробницы покойнаго Государя Императора Александра Николаевича, — данъ одному изъ жителей этого мѣста для постоянного напоминанія о Царѣ—Освободителѣ. Память о которомъ въ сердцахъ Его подданныхъ останется вѣчною памятю. А вѣнокъ съ гробницы покойнаго Государя—такая дорогая рѣдкость, которая изъ рода въ родъ должна напоминать намъ о Царѣ благодѣтелѣ.

Жители этой веси, всегда преданные своимъ Монархамъ, — въ память перваго избавленія Государя Императора Александра Николаевича отъ руки злодѣя, приобрѣли икону, и неразъ предъ нею молились о сохраненіи жизни любимаго всѣми Императора; но Господу Богу по грѣхамъ нашимъ не угодно было сохранить жизнь Государя Императора Александра Николаевича и Онъ, — къ великой горести всей Россіи, палъ 1-го марта прошлаго года отъ руки злодѣя. Нѣтъ словъ выразить, какъ эта грустная вѣсть поразила сердца всѣхъ подданныхъ Великой земли Русской. Много было пролито слезныхъ горячихъ молитвъ къ престолу Царя Царей, — о упокоеніи души такъ безвременно почившаго Царя—мученика, — сдѣлавшаго такъ много добра своимъ подданнымъ. И чтобы увѣковѣчить память о любимомъ Монархѣ, — многія общества приобрѣли иконы и другіе предметы, которые-бы служили постояннымъ напоминаніемъ потомству, — о благодѣланіяхъ и трудахъ понесенныхъ для славы Россіи покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

Возблагодаримъ Господа Бога, — что Онъ одному изъ жителей этой веси вложилъ благу ю мысль помолиться отъ ли-

ца всѣхъ здѣсь живущихъ на гробѣ Царя—мученика и испросить принесенный при иконѣ имъ въ этотъ храмъ—пальмовый вѣнокъ, въ память потомству о благодѣяніяхъ Монарха.

Поступокъ достойный похвалы и благодарности.

Да будетъ эта икона, украшенная вѣнкомъ съ гробницы покойнаго Государя Императора залогомъ нашей и потомковъ нашихъ вѣрности, преданности, и любви къ Престолу и Отечеству. Во дни поста и молитвы,—вознесемъ и мы предъ этою иконою свои молитвы къ Престолу Царя Царей—о упокоеніи души Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, да учинитъ Онъ душу Его въ селеніяхъ праведныхъ и въ нѣдрахъ Авраама упокоить,—и насъ помилуетъ яко благъ и человеколюбецъ.

Св. В. С—нз.

Объявленія.

ПОДКИНУТЫЙ МОИСЕЙ

(AUSSETZUNG MOSIS, VON PROFESSOR PLOCKHORTS. PREIS—60 MARK.)

РОСКОШНАЯ ОЛЮГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

Одинаково замѣчательная, какъ по своей рѣдкой величинѣ (1½ арш. дл. и 1 арш. 2 верш. шир)., такъ и по художественной отдѣлкѣ, картина эта приобретена редакціей журналовъ

„СВѢТЪ И ТѢНИ“ И „МИРСКОЙ ТОЛКЪ“

въ количествѣ 5000 экз. отъ одной изъ лучшихъ иностранныхъ фабрикъ для главной годовой преміи этого года и

бесплатно разошлетя всѣмъ гг. подписчикамъ, абониравшимся на оба предлагаемыя изданія, вмѣстѣ съ олеографіей „Добрая Бабушка“ (2-ая безпл. премія) не позднѣе 1 мая.

СЪ 21 ЯНВАРЯ

ВЫСТАВКА ЭТОЙ КАРТИНЫ, —

продающейя по **ВОСЕМНАДЦАТИ РУБЛЕЙ** за **ЭКЗЕМПЛЯРЪ** во всѣхъ лучшихъ картинныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга, — открывается: въ Москвѣ — въ главной конторѣ журналовъ „Свѣтъ и Тѣни“. (Столешниковъ пер., д. Соболева); въ Петербургѣ — въ отд. конторы журналовъ (Литейный, д. 38).

Кромѣ картины „Подкинутый Моисей,“ (изображающей тотъ моментъ, когда, эффектно задрапированная въ ярко — пунцовыя, ниспадающія широкими складками, одежды, красавица мать Моисея, уже спустивъ на воду корзину съ сыномъ, бережно раздвигаетъ густые тростники и жадно, полная понятной тревоги, всматривается, въ осѣненную пальмами и уставленную колоссальными сфинксами, терассу дворца Фараона) гг. подписчики на „Мірской Толкѣ“ и „Свѣтъ и Тѣни“ получаютъ еще въ этомъ году: 1) 50 №№ ж. „Свѣтъ и Тѣни“ (200 бол. рис., 150 иллюм. красками каррикатуръ и ок. 2000 столб. литер. текста); 2) 50 №№ ж. „Мірской Толкѣ“; 3) Большую олеографію съ карт. Краузе „Добрая Бабушка“ (Pendant къ преміи 1881 г.); 4) фотогр. альбомъ портретовъ рус. госуд. дѣятелей; 5) такой же альбомъ портр. обществ. дѣятелей, и 6) 12-ть томовъ (не менѣе 320 страницъ въ каждомъ) ежемѣсячнаго журнала „Библіотека избранныхъ романовъ.“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ОБА ИЗДАНІЯ.

На годъ 14 р. На полгода 8 р.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: 1) Въ Управленіи журналовъ „Свѣтъ и Тѣнь“ и «Европейская Библіотека» (Бригадирская, собственный домъ); 2) въ Главной Конторѣ журналовъ (Столешниковъ пер., д. Соболева), и 3) въ конторѣ фотографіи журнала „Свѣтъ и Тѣнь“ (Большая Лубянка, д. кн. Голицына).

Въ Петербургѣ: Въ Конторѣ журналовъ „Свѣтъ и Тѣнь“ и «Европейская Библіотека» (Литейный проспектъ, д. № 38).

Въ Одессѣ: Въ отдѣлен. конторы (Дерибасовская ул., д. Вагнера кв. 11).

Редакторъ-Издатель Н. Пушкинъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Св. Кирилль и Меодій. — Филаретъ Еп. Рижскій. — Слово на страсти Господни. — Торжество въ сл. Уразовой. — Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Димитрій*.

Печ. дозв. Цензоръ Магистръ Протоіерей П. Палицынъ. Марта 15 дня 1882 года.

Воронѣжъ. Въ типографіи В. Я. Исаева.